DOI: 10.17976/jpps/2023.03.13
EDN: TGAEET

ПАРАДОКСЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО ЛИДЕРСТВА

Е.Б. Шестопал

ШЕСТОПАЛ Елена Борисовна, доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой социологии и психологии политики факультета политологии, МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, email: shestop0505@rambler.ru

Шестопал Е.Б. 2023. Парадоксы политического лидерства. *Полис. Политические исследования*. № 3. С. 181-191. https://doi.org/10.17976/jpps/2023.03.13. EDN: TGAEET

Статья поступила в редакцию: 02.02.2023. Принята к публикации: 06.03.2023

Аннотация. Автор делится размышлениями по поводу четырех книг, посвященных проблеме лидерства, которые вышли в свет после нескольких десятилетий почти полного отсутствия разработки этой темы в политической науке (Wiatr, J.J. Political leadership between democracy and authoritarianism. Comparative and historical perspectives. Berlin, Toronto: Verlag Barbara Budrich, 2022; Лидер на фоне эпохи. Традиции и новации современного политического лидерства в странах Запада. Под ред. Л.С. Окуневой. М.: МГИМО-Университет, 2022; Медведев Р., Андреев Н. Владимир Путин и Си Цзиньпин. Личность и лидерство. М., АИРО XXI; 2021; Kissinger, H. Leadership. Six studies in world strategy. New York: Penguin Press, 2022). Автор пытается выяснить, что привело к пробуждению интереса к лидерству, и анализирует эти причины на фоне политических реалий последнего времени, а также в контексте развития политической науки. Хотя из рецензируемых книг рано делать вывод о возрождении проблематики лидерства в политической науке, само обращение к ней сразу несколькими значимыми авторами говорит о том, что академическая политология пытается дать ответ на явно возросший запрос общества на сильных лидеров. Очевидно, что рост интереса к лидерству потребует и новых эмпирических исследований, и большой теоретической работы по обновлению инструментария, прежде всего в предметном поле политической психологии. Однако дело явно не ограничится рамками одной этой субдисциплины. Описанные в статье парадоксы лидерства указывают на кризис всего политологического знания, его базового категориального аппарата, который не в состоянии адекватно описать изменившуюся политическую реальность. И здесь не обойтись возвращением теории лидерства в рамки традиционного предмета политологии. Придется заново переосмыслить многое из того, что пришло к нам из западной политологии, в частности те категории, которые давно не соответствуют реальности (например, категорий авторитаризма и демократии, которые превратились в идеологизированные штампы). Лидерство оказалось одной из жертв догматической трактовки демократии, так как оно стало восприниматься как ненужное и даже опасное наследие архаичных авторитарных политических систем. Можно говорить о дефиците лидерства, причем чаще всего в странах, которые пытаются учить других демократии. Этот дефицит ощущается людьми не менее остро, чем дефицит энергоресурсов или продуктов питания.

Ключевые слова: теория лидерства, личность и роль лидера, политический процесс, предмет политической науки, демократия, авторитаризм.

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Лидерство оказалось одним из самых парадоксальных и противоречивых феноменов современной политики. Лидеры неизменно находятся в центре внимания публики, которой интересны истории их жизни, взгляды и поступки, сами они, их близкие и окружение, их привычки, хобби, связанные

с ними скандалы. Жизнеописания, биографии, автобиографии и мемуары выдающихся политиков раскупают как горячие пирожки. Читателям кажется, что если они поймут того или иного лидера как человека, то смогут предугадать, чего от него ждать как от политика, и, главное, разгадают секрет его притягательности и успеха, который каждый хотел бы повторить.

Но это все в популярной литературе. А что же наука? Политология в последние десятилетия явно обходит тему лидерства, которая стала считаться многими учеными неактуальной. А ведь в XIX – первой половине XX в. она была более чем значимой (вспомним хотя бы имена Макса Вебера, Зигмунда Фрейда, Августа Адлера, Гарольда Лассуэлла). Американский специалист по лидерству Гленн Пейдж подсчитал, что среди тем политологических диссертаций, защищенных в американских университетах с 1925 по 1950 г., преобладали те, в которых фокус был сделан именно на проблеме лидерства [Paige 1971: 231-340]. Но с середины XX в. интерес к лидерству у политологов начал угасать. В последние десятилетия работы по лидерству практически исчезли из политологического мейнстрима. Неслучайно в известной работе "*A New Handbook of Political Science"* под редакцией Р. Гудина и Х.-Д. Клингеманна, подводящей итоги развития политической науки в XX в., раздел по лидерству вовсе отсутствует. Оно даже не названо среди ключевых направлений современной политической науки [Goodin, Klingemann 1966]. За последние двадцать лет лидерству были посвящены единичные работы (упомянем например, серьезный труд Арчи Брауна "*The Myth of the Strong Leader*: *Political Leadership in the Modern Age*" [Brown 2014])[1]. Тем интереснее понять, чем вызвано внезапное изменение ситуации: почти одновременно были опубликованы несколько крупных работ о лидерстве, как у нас в стране, так и за рубежом.

Остановимся на четырех из них. В начале 2022 г. вышел труд известного польского исследователя Ежи Вятра *"Political leadership between democracy and authoritarianism. Comparative and historical perspectives"* [Wiatr 2022]. Примечательна личность автора: по его книгам в позднесоветские времена наши отечественные политологи постигали основы профессии. Е. Вятр сыграл большую роль и в развитии политологии как науки в международном масштабе. Он много сделал как активный член Международной ассоциации политических наук (IPSA). Сам факт обращения столь знаковой фигуры к теме лидерства заслуживает особого внимания, тем более что автор рассматривает политическое лидерство под углом зрения фундаментальных проблем современной политологии.

В это же время вышла книга не менее именитого автора Генри Киссинджера – *"Leadership. Six studies in world strategy"* [Kissinger 2022]. Она посвящена анализу роли лидерства в мировой политике и представляет собой исследование шести выдающихся лидеров – Конрада Аденауэра, Шарля де Голля, Ричарда Никсона, Анвара Садата, Ли Куан Ю и Маргарет Тэтчер. В этой работе незаурядны и личность автора, и личности его героев. Близкое знакомство автора с ними позволяет сочетать политологический анализ стратегии международных отношений с наблюдениями политика-практика.

В конце 2021 г. увидела свет книга Роя Медведева и Николая Андреева *"Владимир Путин и Си Цзиньпин: личность и лидерство"* [Медведев, Андреев 2021]. Авторы не просто исследуют "политические индивидуальности" Путина

[1] Книга вышла в русском переводе: Браун А. Типы лидеров: определить, найти подход, добиться своего. М.: ЭКСМО, 2019.

и Си, но и рассматривают их личное лидерство как фактор развития России, Китая и глобального миропорядка. Два крупных лидера современности привлекают внимание не столько в их личностном, психологическом измерении, сколько в историко-политологическом ключе как триггеры важных политических изменений.

В конце 2022 г. издательство МГИМО выпустило коллективную монографию *"Лидер на фоне эпохи. Традиции и новаторство современного политического лидерства в странах Запада"* под редакцией Л.С. Окуневой. Книга примечательна тем, что в ней дан детальный анализ лидерства как в ведущих западных странах – США, Великобритании, Германии. Франции, Италии и Испании, – так и в менее известных, но не менее интересных – Бразилии, Албании и Румынии. Еще важнее то, что наряду с глубоким историческим анализом событий в странах Запада авторы обращаются к личностному срезу лидерства, что нечасто встречается у историков и позволяет им решать такие политологические задачи, как построение типологии лидерства, выявление взаимодействия между традициями политических культур западных стран и новыми трендами.

Прежде всего возникает вопрос о причинах такого всплеска интереса к лидерству, который выглядит интригующе и даже парадоксально. Не претендуя на развернутый анализ этих парадоксов, выскажу лишь некоторые соображения, на которые натолкнуло знакомство с указанными изданиями. Очевидно, что часть парадоксов лидерства коренится в изменениях, произошедших в реальной политике последнего времени, вызвана дефицитом ярких и эффективных лидеров. Другая их часть носит скорее методологический характер и связана с кризисом доминирующего в мировой политологии институционального анализа политики и необходимостью учета ее "человеческого измерения". Это и привело к возвращению проблематики лидерства в политологический дискурс.

Феномен лидерства в контексте современного политического кризиса

Есть все основания, чтобы предположить, что интерес к теме лидерства во многом связан с серьезным кризисом современной политики как на глобальном и международном, так и на национальном уровнях. В такие кризисные времена роль лидеров всегда возрастает. Ежи Вятр вслед за американским историком и политологом Джеймсом Макгрегором Бернсом вполне обоснованно проводит различие между "транзакционными" и "трансформирующими" лидерами и полагает, что в нормальных условиях, когда политика сосредоточена на способах решения рутинных проблем управления государственными делами, доминируют первые. А вот кризисы – как международные, так и внутренние, – требуют сильного *трансформационного* лидера, способного направлять своих последователей и решать возникающие проблемы. Именно во время кризисов политики получают шанс стать настоящими лидерами. Кризисы – это проверка способности лидеров руководить [Wiatr 2022: 44]. Такая трактовка лидерства как феномена, порожденного кризисом, возвращает нас к уже имевшей место в истории дискуссии о том, что важнее для понимания феномена лидерства – личность или ситуация. Этот давний спор и на новом витке истории не получает в книгах однозначного ответа. Ведь мало указать на факт кризиса для объяснения появления лидеров, необходимо дать содержательную трактовку кризисных ситуаций. Тем более что в литературе такая попытка уже была предпринята. Так, Фред Гринстайн показал, что роль личности лидера

становится особенно важной, *во-первых*, когда появляются абсолютно новые политические обстоятельства, не имеющие аналогов в прошлом; *во-вторых*, в сложной и противоречивой ситуации с большим числом неопределенностей; *в-третьих*, в ситуации, когда есть выбор между разными силами, предлагающими различные политические решения. По мнению Гринстайна, роль личности в политическом процессе тем больше, чем более восприимчива среда к тому, что личность ей предлагает, чем выше позиция человека в политической системе и чем ярче сила "эго" того или иного политика [Greenstein 1987: 4].

Все перечисленные обстоятельства сегодня налицо: и нынешняя политическая ситуация уникальна, и неопределенность в политике зашкаливает, и полярные модели политического развития имеются. Кризисный опыт двух лет пандемии, не говоря уже о последовавших за ней событиях на Украине, по-новому поставили вопрос о лидерах. Именно их дефицит остро ощущается населением самых разных стран. Можно сказать, что глобальный кризис, с которым не справились транзакционные политики-менеджеры, породил новый запрос на лидеров трансформационного типа.

Чтобы понять, откуда идет такой запрос на лидерство, воспользуемся метафорой политики как спектакля [Edelman 1988], в котором есть "действующие лица и исполнители", "время" и "место действия". Каждая из составных частей этого политического театра позволяет обнаружить не один какой-то лидерский парадокс, а целый их набор.

Первый парадокс связан с действующими лицами. Его можно назвать *парадоксом "вымирания" породы крупных лидеров*. Лидеры – по определению главные герои любой политической пьесы. В соответствии с законами драматургии пьеса не может разворачиваться без героев. Вероятно, падение массового интереса к политике связано с тем, что среди главных действующих лиц политического спектакля крупных персонажей можно пересчитать на пальцах двух рук. Место масштабных и значимых личностей, таких как Рузвельт, Черчилль, де Голль или Сталин, занимают персонажи второго и третьего плана, неспособные не только вести за собой последователей, но и откровенно плохо играющие свои роли и "захлопываемые" публикой. Достаточно вспомнить Лиз Страсс, Олафа Шольца, Жозе Борреля или Урсулу фон дер Ляйен...

Парадокс в том, что современные пьесы как-то обходятся без главных героев, нарушая все законы драматургии. Исполнители этих ролей (которых язык не поворачивается назвать лидерами) своих высоких постов не покидают даже после крупных провалов. Возникает сразу ряд вопросов. Куда делись лидеры и как случилось, что их роли играют совершенно неподходящие исполнители? Только ли дело в том, что политическая ситуация, предшествовавшая нынешнему кризису, носила, по определению Гринстайна, рутинный характер? И почему, когда этот кризис наступил, новые лидеры не спешат объявиться и выполнить свою миссию?

Второй парадокс связан со временем действия. Это *парадокс смены парадигмы лидерства*. Вопрос не только в том, почему главных героев сменили второстепенные, но и в том, почему столь разительно отличается сама сегодняшняя политика от политики минувшего. Если политический театр *прошлых лет* предполагал следование всех участников пьесы неким общепринятым нормам морали и права, писанным и неписанным, то сейчас их заменили "правила" (*rules*), созданные ведущими странами Запада под себя. В современном политическом театре главные герои все реже пользуются доверием граж-

дан. Отношения между лидерами и их последователями Генри Киссинджер описывает как "взаимную враждебность и подозрительность" [Kissinger 2022: Conclusion], что выражается и в низких рейтингах политиков в их странах, и во взаимном неуважении лидеров разных стран. Стиль поведения политиков все чаще отличается экстравагантностью, если не сказать наглостью, и ведет к засилью лидеров-популистов, которые не считают нужным вести себя в соответствии с приличиями, держать слово, уважительно относиться друг к другу[2]. Неслучайно В.О. Печатнов, анализируя стиль поведения президента США Дональда Трампа, отмечает не просто его развязную манеру, но то, что он был одним из первых лидеров нашего времени, кто "расширил границы допустимого" [Лидер на фоне эпохи... 2021: 82]. В заключении к своей книге Г. Киссинджер связывает этот феномен утраты уважения и доверия в международных отношениях со сменой аристократической политической парадигмы на меритократическую (демократическую). Примечательно, что ему явно больше импонирует не нынешний, а прежний стиль лидерства.

Говоря о факторе времени в понимании лидерства, Киссинджер не ограничивается указанием на социокультурные, моральные и ценностные факторы, меняющие практики лидерства, но и отмечает мощное влияние новых СМИ, коммуникативных технологий и визуальной культуры на восприятие лидеров гражданами. Нынешнее состояние лидерства он оценивает как шаг вспять в сравнении с великими образцами прошлого.

Третий парадокс лидерства можно обозначить как парадокс места действия: Запад и не-Запад. Это *парадокс упадка западного лидерства*. Похоже, что исчезновение (или даже осознанный отказ от) лидерства, о котором писал Г. Киссинджер, наблюдается прежде всего в странах Запада. Никто из западных политиков даже близко не сопоставим по масштабу личности с В.В. Путиным, Си Цзиньпином или Нарендрой Моди. Есть крупные лидеры и в Латинской Америке, и в Азии, и в Африке. Нельзя не почувствовать неординарности таких политиков, как Реджеп Эрдоган или погибший в 2022 г. от рук убийцы Синдзо Абэ. В Европе, пожалуй, только фигура Ангелы Меркель могла, да и то с изрядной натяжкой, претендовать на то, чтобы войти в число крупных мировых лидеров начала XXI в. Остальные европейские, японские, американские или австралийские политики (условно назовем их западными) явно не дотягивают до этого статуса по своему личностному и политическому масштабу. Таким образом, лидерство оказывается весомым преимуществом в борьбе за многополярность в незападной части мира. Поворот нашей страны с Запада на Восток оказался вполне закономерным, неизбежным и своевременным.

Обозначенные выше парадоксы лидерства в оптике реальных политических процессов и глобальных кризисных изменений в мире позволяют поставить ряд вопросов, касающихся лидерства.

Первый вопрос касается понимания самой природы лидерства в изменившемся политическом мире. В рецензируемых изданиях даны разные ответы на него. Если авторы книги под редакцией Л.С. Окуневой сравнивают, например, американского президента с дирижером большого симфонического оркестра [Лидер на фоне эпохи... 2021: 19] и называют его "символическим жрецом гражданской религии" [там же: 16], то Вятр подчеркивает, что "лидерство – это

[2] Нельзя не вспомнить, как участились немыслимые в прошлом случаи разглашения конфиденциальных переговоров лидерами крупных стран: Макрон, записывавший беседу с Путиным в присутствии журналистов, Трюдо, сделавший достоянием СМИ конфиденциальные переговоры с Си Цзиньпином.

миссия, качество которой определяет благополучие и безопасность людей. Это служение, мотивированное не только властными амбициями, но и преданностью общему благу, как он его понимает" [Wiatr 2022: 14]. И снова, как и много лет назад, обществоведы ломают головы над вопросом о значимости личности лидера.

Е. Вятр выделяет два типа позиций. Первая исходит из того, что именно лидер, конкретный человек со своими личностными особенностями, волей, умом и эмоциями двигает историю и решает, куда она пойдет. Вторая рассматривает лидера как роль, функцию или исторический "ярлык" независимо от того, кто именно находится на лидерской позиции. Им может оказаться кто угодно. История все равно идет своим путем [ibid.: 20-21].

Все чаще сторонники второго подхода считают, что лидерство – это архаика, связанная с недемократическими политическими системами прошлого; в условиях же демократии оно не нужно, его вполне могут заменить институты. Так, американский политолог Барбара Келлерман убеждена, что последователи стали важнее лидеров, и, более того, лидерство нежелательно и даже опасно такими отклонениями от норм демократии, как культ личности и другие проявления авторитаризма. Одна из ее статей имеет характерное название: "Лидерство – это система, а не личность!" [Kellerman 2016]. Она с негодованием признает, что в странах, считающих себя передовыми демократиями, возникла целая индустрия подготовки лидеров, в которой крутится около 50 млрд долл. в год: различные курсы, тренинги, семинары, которые предлагают желающим сделать из них лидеров. Организаторы таких курсов и коучи исходят из того, что лидерство – это некая технология, навык, и его могут быстро приобрести не одаренные единицы, а многие. На самом деле, убирая из политического уравнения личность и заменяя ее управленческой технологией и институтами, сторонники такой деперсонифицированной политики борются с самой человеческой природой.

За подобной трактовкой лидерства стоит представление, что, во-первых, лидерству можно научить, не давая каких-то специальных научных знаний. Во-вторых, научить можно не каких-то одаренных избранных, а множество обычных людей. В-третьих, "натаскать" можно быстро и легко, например, за один семестр или даже за пару недель тренировок. Ну и, наконец, лидером быть хорошо, потому что это позволит посещающему такие курсы, стать богатым и влиятельным [ibid.: 83-84]. Такие лидерские курсы организуют не только в Гарварде или Высшей школе администрирования в Париже, но и в РАНХиГС, где обучают губернаторов и отбирают молодых лидеров. И здесь закономерно возникает ряд вопросов. Насколько адекватно эти постулаты описывают природу лидерства? Что мы вообще знаем о ней? Кого мы можем назвать лидером? Если с Си, Путиным и Моди все понятно, то могут ли быть названы подлинными лидерами Байден или Шольц, Сунак или Макрон? Или это не лидеры, а то, что в английском языке называют *office-holder*, а у нас раньше называли местоблюстителем? Востребованы ли сегодня настоящие, сильные лидеры, и если да, то почему в мире их осталось, скажем, ну очень немного? Что следует считать решающим фактором в становлении лидера: роль, которую он исполняет: президент или премьер, руководитель партии или региона, – или личность? А если личность, то что именно в ней значимо – воля, мотивация, самооценка или что-то еще? Насколько важны для формирования лидера его семья, происхождение, образование, опыт? Вопросы можно продолжать. Но где на них искать ответы? Очевидно, что искать их следует в политологической теории, из которой вытекает и соответствующая методология.

Теоретико-методологические парадоксы теории лидерства

Хотя со второй половины XX в. проблематика лидерства и была вытеснена на периферию политической науки, полностью она не исчезла. При этом само ее развитие тоже отличалось некой парадоксальностью, связанной уже со спецификой методологических подходов.

Так, *первый парадокс* развития теории лидерства состоит в том, что эта область исследований развивалась преимущественно в США. В 1990-е – 2000-е годы теоретический анализ феномена лидерства был представлен такими крупными авторами, как Роберт Такер, Фред Гринстайн, Бетти Глэд, Дэвид Уинтер, Джерри Пост, Гленн Пейдж. Называю прежде всего тех авторов, которых не только внимательно читала, но и встречалась с ними и имела возможность лично обсуждать с ними их понимание лидерства. Их объединяло то, что интерес к лидерству носил не только чисто академический характер, но и был связан с прикладным и весьма конкретным политическим анализом. Так, исследование Ф. Гринстайна американских президентов, как мне рассказывали в Принстоне, заинтересовало президента Клинтона, который, посетив университет, где работал Гринстайн, захотел побеседовать именно с ним как с единственным ученым из этого университета, чью работу он прочел. А выполненный Дж. Постом психологический профиль террориста, потребовавшего одну из центральных газет опубликовать его манифест под угрозой взрыва торгового центра, помог ФБР найти и поймать его. Примерами связи теории лидерства с политической практикой стало и использование психологических профилей политиков для практических целей. Так, профили ближневосточных лидеров пригодились американским и израильским политикам при заключении Кемп-Дэвидского соглашения, а профили Дж. Буша-ст. и М.С. Горбачева – для подготовки советско-американского саммита 1989 г.

В европейской литературе за последние несколько десятков лет вышло совсем немного политологических исследований лидерства. В первую очередь стоит назвать популярную и в мире, у нас в 1990-х – 2000-х работу франко-британского политолога Жана Блонделя [Блондель 1992]. К числу тех немногих исследователей в Европе, которые сохранили интерес к этой теме, относится и Вятр. Парадокс заключается в том, что именно американская политология инициировала институционалистский поворот, который привел к падению интереса к лидерам, в то время как европейская традиция была в большей степени связана с фокусом на человеке. Однако это не помешало прежде всего западноевропейским и британским политологам "побежать впереди прогресса" вслед за американцами и отказаться от изучения проблематики лидерства, в которой они традиционно были сильны[3].

Второй методологический парадокс состоит в том, что фокус внимания тех немногих политологов, которые продолжали заниматься лидерством, переместился с политической на психологическую (личностную) составляющую феномена лидерства. Анализ лидерства как политологической проблемы, встроенный в контекст изучения власти, режимов, институтов, характерный для исследователей XX в. (например, для Макса Вебера), встречается очень редко.

[3] В начале 1980-х годов в университетах Великобритании наблюдался забавный раскол политологов на традиционалистов (приверженцев британской эмпирической традиции) и проамериканских бихевиористов-институционалистов. На это мое внимание обратил британский политолог американского происхождения Ричард Роуз. Адепты этих течений даже не здоровались друг с другом, а их кабинеты располагались по разным сторонам коридора.

И книга Ежи Вятра принадлежит именно к таким исключениям. Лидерство он рассматривает прежде всего в политической плоскости. Например, он защищает тезис о необходимости лидерства в политике и управлении, подкрепляя его ссылкой на Гюстава Лебона [Wiatr 2022: 9], видевшего в лидерстве единственную защиту от хаотического правления "толпы". И в этом качестве он рассматривает лидерство как один из важных политических инструментов. Но главное для Вятра то, что лидерство позволяет по-новому понять такие ключевые политологические категории, как демократия и авторитаризм, что и нашло отражение в названии его книги.

Третий методологический парадокс состоит в том, что, как подметил Вятр, политологи нередко стали подменять лидерство элитами, растворяя лидеров в элитах в ущерб индивидуальной природе первых. Изучение элит при этом, как правило, проводится не на высшем уровне, а ограничивается региональными и муниципальными представителями. Это связано с описанной выше псевдодемократической установкой на отказ от признания значимости лидеров и приданием большего веса рядовым гражданам. Такая подмена не решает проблем демократии и не учитывает роль крупных национальных лидеров в политическом процессе.

Четвертый парадокс связан с методами исследования лидеров. В соответствии с духом "поведенческой революции" в политологии стали доминировать *количественные методы*, релевантные для изучения массовидных явлений, но совершенно не подходящие для изучения отдельных случаев, в частности, неповторимых личностей конкретных лидеров. *Качественные методы* вообще и методы *case studies*, психобиографии, политического профилирования стали широко использоваться для исследования лидеров. Но так же, как и психоанализ в свое время, у многих политологов (в отличие от историков и психологов) такие методы вызывают неприятие из-за стереотипов позитивистской методологии. В трех из четырех работ, которые мы рассматриваем (работа о Путине и Си, книга Киссинджера и книга под ред. Л.С. Окуневой), отчетливо используется именно такая методология анализа уникальных *case studies* крупных лидеров, эффективность которой обеспечена скрупулезным изучением исторических документов, биографических свидетельств и других объективных источников. Методологический парадокс этих подходов к анализу уникальных политических лидеров состоит в том, что объективные исторические свидетельства используются для постижения субъективных личностных аспектов лидерства.

Само обращение политических историков к личностным особенностям лидеров можно только приветствовать. Однако следует отметить и их некоторую ограниченность – в тех случаях, когда личностные особенности лидеров авторы пытаются анализировать, некритично заимствуя оценки из смежных областей (в частности, из психологии или даже медицины), как это сделал, например, британский политик Дэвид Оуэн, "поставивший ряду британских лидеров диагноз биполярного расстройства, признаками которого являются повышенная активность, ускоренная речь, рассеянность, вызывающее и агрессивное поведение, крайняя самонадеянность, оскорбительное высокомерие, пренебрежение к простым людям" [Лидер на фоне эпохи... 2021: 135]. Для более точного анализа личностных особенностей лидеров необходимы специально адаптированные политическими психологами методики, а не случайные заимствования методов, которые к тому же не учитывают специфику именно политической деятельности.

Е. Вятр указал еще на один момент, связанный с методологией изучения лидерства. Исследование будет неполным, если не учитывать *этическое измерение* лидерства, которое он считает не менее важным, чем параметр эффективности. Польский политолог прекрасно понимает, как сложно применить этот параметр для оценки реальных политиков [Wyatr 2022: 25], когда поведение лидеров чаще всего лишено не только высоких принципов, но и элементарных приличий. Но, следуя за Максом Вебером, автор убежден, что, как и раньше, любой лидер – это человек, несущий ответственность за тех, кто идет за ним. Эта позиция явно идет вразрез со столь популярным сегодня маккиавелистским, менеджериальным подходом, который в оценке лидера ставит на первое место его способность удержать власть любой ценой и эффективность. И можно представить, что у российского читателя, воспитанного в гуманистической традиции, такая позиция Ежи Вятра, несомненно, найдет понимание

Некоторые итоги

Во-первых, знакомство с указанными новыми работами по лидерству подводит нас к мысли, что, хотя рано говорить о настоящем возрождении проблематики лидерства в политической науке, но само обращение к теме сразу нескольких значимых авторов говорит о том, что академическая политология начала искать ответ на резко возросший запрос общества на сильных лидеров. Этот запрос, который фиксируют эмпирические исследователи и у нас, и за рубежом, представляет собой социальную реакцию на глобальный кризис, вызвавший небывалый рост страхов, тревог, чувства потерянности на фоне глобального политического кризиса. Чтобы избавиться от негативных реакций, людям нужны лидеры.

Во-вторых, очевидно, что явный рост интереса к лидерству потребует и новых эмпирических исследований, и большой теоретической работы по обновлению и пересмотру инструментария, описывающего структуру и типы лидеров, их функции и роли, личность и образ лидера прежде всего в предметном поле политической психологии.

В-третьих, обращение к проблеме лидерства не может ограничиться рамками политической психологии как политологической субдисциплины. Описанные парадоксы лидерства явственно указывают на кризис самого политологического знания, его базового категориального аппарата, который не в состоянии описать изменившуюся политическую реальность. И не обойтись только тем, чтобы вернуть концепцию лидерства в рамки традиционного предмета политологии. Придется заново переосмыслить многое из того, что пришло к нам из западной политологии, в частности те категории, которые давно не соответствуют реальности. Так, один из ярких парадоксов современной теории лидерства связан с пересечением категорий лидерства с категориями демократии и авторитаризма: “демократия” превратилась в своего рода “священную корову” либерального политического дискурса, как и ее антипод – “авторитаризм”. Эти ярлыки давно обозначают что-то куда большее, чем просто форму правления, режим или стиль руководства. Лидерство стало одной из жертв такой догматической трактовки, поскольку в лучших традициях “единственно верной” либеральной политологии оно стало восприниматься как ненужное и опасное наследие архаичных авторитарных политических систем. Делаются попытки доказать, что в подлинной демократии лидеры менее ценны, чем их последователи, и вообще являются пережитками прошлого, в котором не было настоящих институтов демократии. Это пример того, как

политологи данного направления готовы закрыть глаза и “не заметить”, что в реальной политике все происходит ровно наоборот: в обществах самых разных типов и политических традиций в условиях кризиса формируется острый запрос на сильных лидеров, которым люди могли бы доверять. И то, что мы наблюдаем, невозможно описать только в терминах демократии. Скорее, можно говорить о дефиците лидерства, причем чаще всего в странах, которые пытаются учить демократии других. Этот дефицит ощущается людьми не менее остро, чем дефицит энергоресурсов или продуктов питания.

Как показали авторы рецензируемых книг, лидерство все больше будет требовать от исполнителей роли лидера не только управленческих навыков, но и воли, ответственности, высоких моральных качеств. А это означает, что особенно сейчас, когда мы наблюдаем повсеместный упадок этих свойств, запрос на них будет только возрастать и востребованы будут не только и не столько толковые менеджеры, сколько крупные и сильные лидеры. Именно последние становятся фактором выживания и развития наций, фактором преодоления мирового кризиса.

DOI: 10.17976/jpps/2023.03.13

PARADOXES OF POLITICAL LEADERSHIP

E.B. Shestopal[1]

[1] *M.V. Lomonosov Moscow State University. Moscow, Russia*

SHESTOPAL, Elena Borisovna, Dr. Sci. (Philos.), Professor, Head of Sociology and Psychology Chair, Political Science Department, M.V. Lomonosov Moscow State University, email: shestop0505@rambler.ru

Shestopal, E.B. (2023). Paradoxes of political leadership. *Polis. Political Studies*, 3, 181-191. (In Russ.) https://doi.org/10.17976/jpps/2023.03.13

Received: 02.02.2023. Accepted: 06.03.2023

Abstract. The author shares her reflections on four recent books on the problem of leadership (Jerzy J. Wiatr. Political Leadership between Democracy and Authoritarianism. Comparative and Historical Perspectives. Berlin, Toronto: Verlag Barbara Budrich Opladen, 2022; Leader against the background of the era. Traditions and innovation of political leadership in Western countries. L.S. Okuneva (Ed.). Moscow: MGIMO University, 2022; Medvedev R. Andreev N. Vladimir Putin and Xi Jinping. Personality and leadership. Moscow, AIRO XXI; 2021; Henry Kissinger. Guidance. Six studies in World Strategy, Penguin Press, NY: 2022). These publications appeared after several decades of critical shortage of works on this topic in political science. The author investigates what led to the awakening of so much interest in leadership and analyzes these reasons both against the background of the political realities of recent times, and in the light of the development of political science. Although it is too early to conclude from these publications alone that we face a revival of the interest to the problem of leadership in political science, but the interest to it by several significant authors at once suggests that academic political science is trying to respond to the clearly increased demand of the society for strong leaders. Obviously, the growth of interest in leadership will require both new empirical research and a lot of theoretical work to update the toolkit, primarily in the field of political psychology. ...And here it is insufficient to return the theory of leadership in the framework of the traditional subject of political science. However, the case is not limited to this one sub-discipline. The paradoxes of leadership described in the article point to the crisis of all political science knowledge, its basic categorical apparatus, which is unable to adequately describe the changed political reality. And here it is insufficient to return the theory of leadership in framework of the traditional subject of political science. We will have to rethink much of what came to us from Western political science, in particular, those categories that have not matched reality for a long time, for example, the categories of authoritarianism and democracy that have become ideological clichés. Leadership has become one of the victims of the dogmatic interpretation of democracy, as it has come to be perceived as an unnecessary, and even dangerous, legacy of archaic authoritarian political systems. Rather, we should

talk about a leadership deficit, and most often in countries that are trying to teach democracy to others. This deficit is felt by people no less acutely than the shortage of energy resources or food.

Keywords: leadership theory, personality and role of the leader, political process, subject matter of political science, democracy, authoritarianism.

References

Brown, A. (2014). The myth of the strong leader: political leadership in the modern age. New York: Basic Books.

Edelman, M.J. (1988). Constructing the political spectacle. Chicago: University of Chicago Press.

Greenstein, F. (1987). Personality and politics: problems of evidence, inference and conceptualization. Princeton. New York: Princeton University Press.

Kellerman, B. (2016). Leadership – it's a system, not a person! *Daedalus*, 145(3), 83-94. https://doi.org/10.1162/DAED_a_00399

Kissinger, H. (2022). Leadership. Six studies in world strategy. New York: Penguin Press

Goodin, R., & Klingemann, H.-D. (Ed.). (1966). A new handbook of political science. Oxford: Oxford University Press.

Paige, G.D. (1971). The scientific study of political leadership. New York, London: The Free Press and Collier Macmillan Publishers.

Wiatr, J.J. (2022). Political leadership between democracy and authoritarianism. Comparative and historical perspectives. Berlin, Toronto: Verlag Barbara Budrich. https://doi.org/10.2307/j.ctv27tctmb

Литература на русском языке

Блондель Ж. 1992. Политическое лидерство. Путь к всеобъемлющему анализу. М.: Российская академия управления.

Лидер на фоне эпохи. Традиции и новации современного политического лидерства в странах Запада. 2022. Под ред. Л.С. Окуневой. М.: МГИМО-Университет.

Медведев Р., Андреев Н. 2021. Владимир Путин и Си Цзиньпин. Личность и лидерство. М.: АИРО XXI.